

3985 к

ЛЮБОВЬ МНОГОЦВѢТНАЯ
ИЗБРАННЫЕ СТИХИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЭДСЪ“.
ИВАНОВО - ВОЗНЕСЕНСКЪ.
© 1922 ©

Ивановская Обл. Научн. Биол.

Отдел Краевой

пр ов. 2007

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

з/д-87 УДР

120987-351

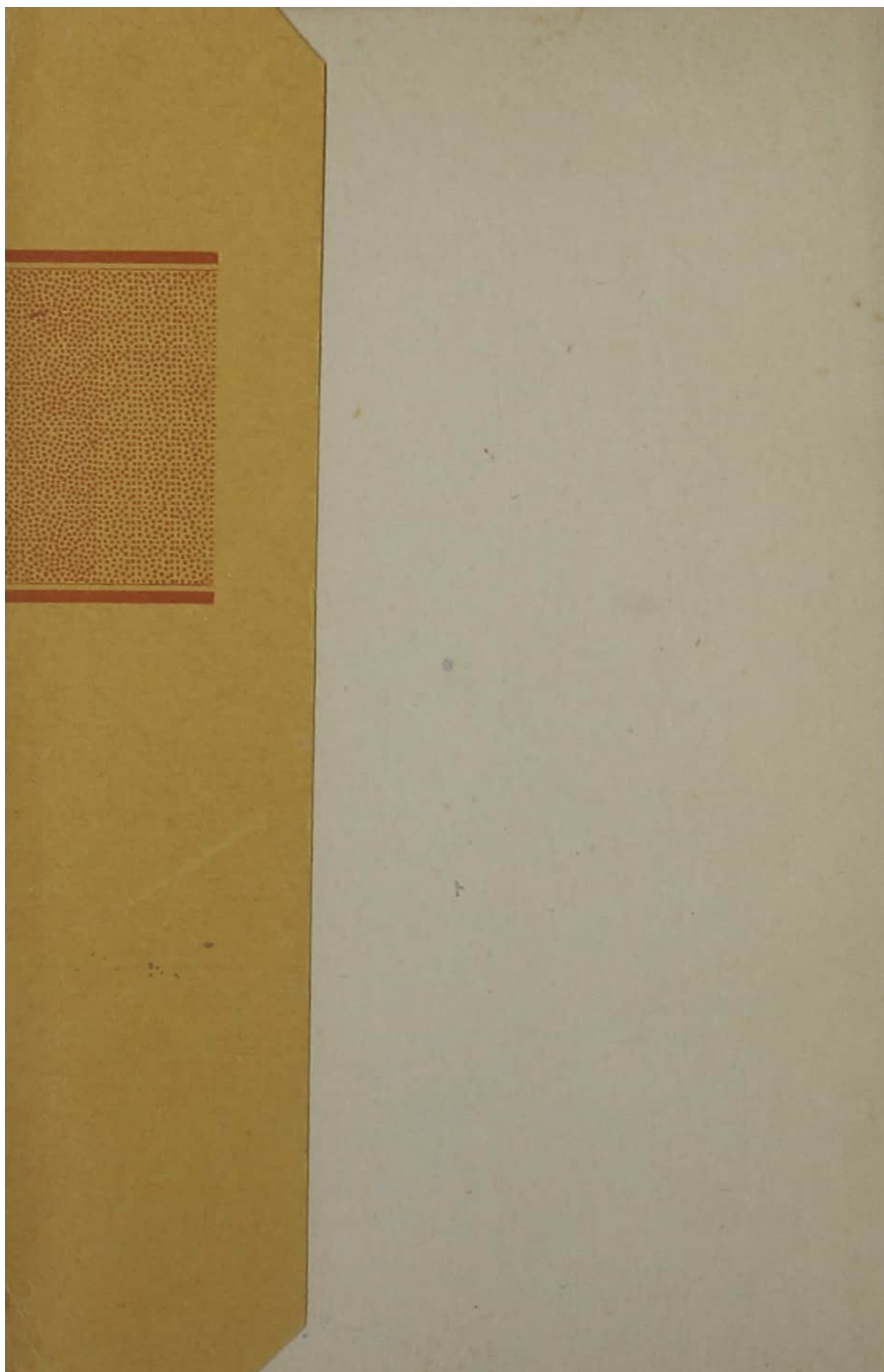
29.09-94 №132

6.04.06 4541

З ТМО Т. 1 явл. 1171-79

ЛЮБОВЬ МНОГОЦВѢТНАЯ

№-3985.

Избранные стихи

А. Блока, В. Брюсова, А. Бѣлаго,
А. Ахматовой и др.

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ КРЕВОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭОСЪ»,
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЪ.
1922.

1941

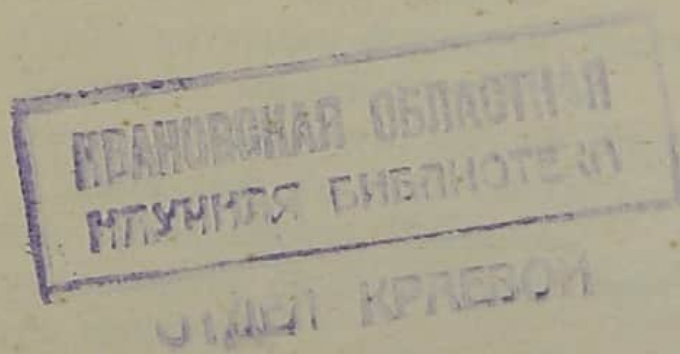
С 4

== 2010

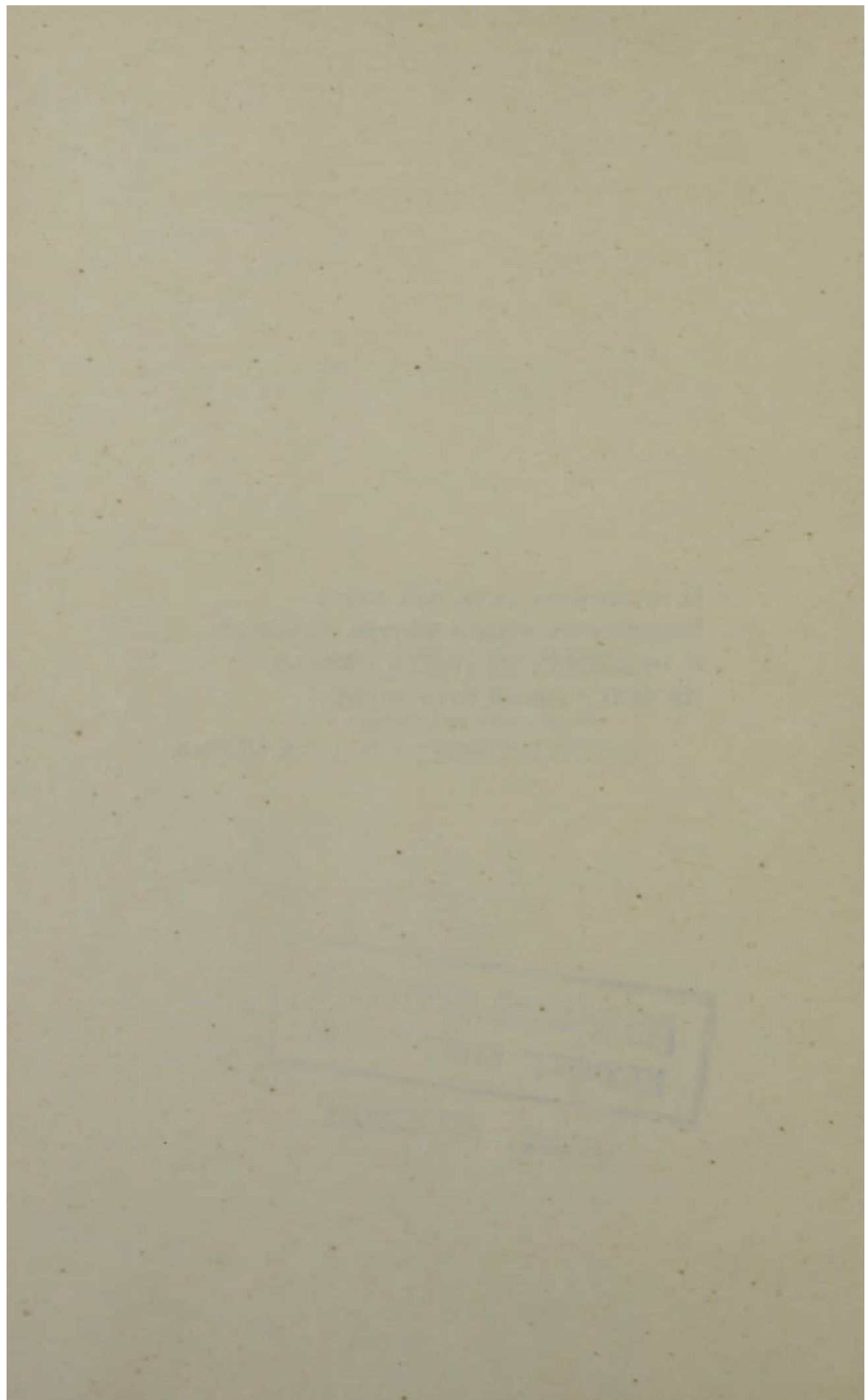
НАПЕЧАТАНА В ТРЕТЬЕЙ ГОСУ-
ДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ Г.С.Н.Х.
В Г. КИНЕШМЕ, ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
А. С. ГАВРИНА.
ТИРАЖ 3.000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ.
Р. В. Ц. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК.

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется въ сердце вѣтеръ снѣжный,
И не спасеть ни голосъ нѣжный,
Ни безмятежный часъ труда!...

А. Блокъ.

Подъ небомъ древней Эллады справляетъ свой пиръ Агатонъ, поэтъ побѣдитель.

Много гостей. Поютъ сладкозвучныя флейты, льется золотое вино...

Но гости поэта—особые гости: здѣсь и Федръ, и Павзаній, и Эриксимахъ, и Аристофанъ, и Сократъ—„совѣсть древняго міра“. Цвѣтъ Эллады.

И праздникомъ мудрости становится пиръ, льются вдохновенныя рѣчи. Ихъ тема—Эротъ—любовь. Первымъ говоритъ Федръ:

Когда впервые изъ хаоса возникла земля, Эротъ леталъ ужъ надъ нею и „страсти могучія сѣялъ“.

И взошли сѣмена Эрота...

Если есть добро на землѣ,—его источникъ—Эротъ. Если есть счастье—оно въ любви. Кто вдохновляетъ людей на подвигъ?—Эротъ. Кто даетъ мужество и силу?—Эротъ.

Герои, которыхъ безсмертіе ждетъ,
Которыхъ народъ почитаетъ,
Тобою воздвигнуты, древній Эротъ,
И слава твоя въ нихъ сіяетъ!“...

Слово принадлежитъ Павзанію:

Есть, говоритъ онъ, два Эрота: Эротъ земной и Эротъ небесный.

Нельзя служить имъ обоимъ вмѣстѣ; нужно избрать одного.

Эротъ земной—это страсть, опьяняющая лишь ненадолго...

„ . . . . . промчатся года
Поблекнуть уста и ланиты,
Безумный порывъ позабыть навсегда
И клятвы любви позабыты“...

Цвѣты сорваны; цвѣты увянуть...

„И въ сердцѣ презрѣнномъ опять оживетъ
Восторговъ постыдныхъ желанье,
И снова земной призовется Эротъ
Въ горячей мольбѣ на свиданье“...

Но есть другой Эротъ—Эротъ небесный. Его знаетъ тотъ, кто умѣетъ любить «чистой» любовью, умѣетъ читать душу во взорѣ и наслаждаться сіяніемъ ума въ улыбкѣ любимыхъ устъ.

Пусть отцвѣтають цвѣты; пусть увядаетъ красота, небесный Эротъ не уходитъ: онъ остается на всю жизнь.

И только ему—Эроту небесному—нужно курить виміамъ...

Правъ Павзаній, говоритъ Эриксимахъ—„недуговъ цѣлитель искусный“: вездѣ и всегда есть, дѣйствительно, два Эрота—земной и небесный.

„Надъ цѣлой вселенной царить ихъ кумирь
„И въ жертву имъ цѣлый приносится міръ“ ..

И разны они—оба эти Эроты, какъ разны огни, зажигающіеся въ сердцахъ больныхъ и здоровыхъ людей. Не правъ только въ одномъ Павзаній: онъ думаетъ, что поклоненія достойны только Эротъ небесный и что двумъ богамъ нельзя поклоняться сразу; на самомъ же дѣлѣ, поклоненія достойны оба Эрота, и именно обоимъ имъ сразу поклоняться нужно; нужно умѣть только сочетать въ душѣ гармонично обоихъ Эротовъ.

Если въ душѣ нѣтъ гармоніи, если оба Эрота начнутъ „споръ свой могучій“, —

„Поднимется буря, пойдутъ холода,
И небо покроется тучей;
И солнце смутится нежданною мглой,
Какъ чистое сердце любовной тоской...
Когда же земной и небесный Эротъ
На время борьбу оставляютъ,
То все разгорается, дышетъ, живетъ,
Роскошнымъ вѣнкомъ расцвѣтаетъ...
Все чудно слилося въ гармонію лиръ,
И дивную музыку слушаетъ Міръ“...

Въ шутливой формѣ излагаетъ далѣе свой взглядъ на любовь „комической музы веселый пѣвецъ“—Аристофанъ.

Любовь—это влеченіе пола.

Есть легенда, что человѣкъ представлялъ изъ себя когда то соединеніе мужчины и женщины.

„У каждаго были (подумайте вы)
Двойныя и руки и ноги,
И тѣло двойное, и двѣ головы“.

Богамъ подобны были тогда люди. Они возгордились и стали грозить небесамъ,

„И Зевсъ, разсердясь, ихъ разсѣкъ
пополамъ.“

Стремленіе половъ другъ къ другу—это только желаніе людскихъ половинокъ вернуться къ прежнему состоянію утраченнаго блаженства.

И способъ такого возвращенія—объятія, которымъ научилъ людей Эротъ, „Эротъ, нашъ могучій цѣлитель“ . . . . .

Доходитъ очередь до Агатона—увѣнчаннаго поэта. Его рѣчь—гимнъ въ честь Эрота:

„Эротъ—величайшій, премудрый поэтъ:
Лишь только онъ сердца коснется,
Въ душѣ загорится божественный свѣтъ,
И пѣсня свободно польется“ . . .

Кто не зналъ Эрота, говоритъ Агатонъ, тотъ не могъ создать и не создалъ ничего великаго въ жизни. Эротъ выше всѣхъ боговъ: онъ самый красивый, онъ вѣчно юный, беспечный, нѣжный, ясный, дивно прекрасный богъ, мужественный, разумный, справедливый, непобѣдимый (вѣдь, и Арей преклонился передъ Эротомъ) и кроткій.

Онъ гибокъ и ловокъ, и всегда умѣетъ найти путь въ сердце . . .

Онъ любить только ароматные цвѣты.

...„Что молодо слишкомъ и что не цвѣтеть,
Къ тому не подходитъ горячій Эротъ“...

„И гдѣ только“, говоритъ Агатонъ: „въ людяхъ
согласье живетъ“,

„Гдѣ споръ затихаетъ кипучій,
Тамъ, значить, проносится чудный Эротъ,
Игривый, прекрасный, могучій“...

Говоритъ, наконецъ, Сократъ:

Эротъ—не богъ. Онъ лишь вѣчное стремле-
ніе къ прекрасному.

Стремленіе къ прекрасному, вѣчное стремле-
ніе есть и недостиженіе вѣчное.

Значить, Эротъ не есть само прекрасное,
само блаженство.

Эротъ зарождается въ душѣ человѣка, какъ
стремленіе къ вѣчному счастью.

Не даромъ же самъ онъ былъ зачатъ въ сою-
зѣ небожителя и бѣдности, когда она „въ своемъ
покрывалѣ дырявомъ“ пробралась на пиръ боговъ
и, очарованная красотой бога, робѣя, бросилась
ему въ объятія въ тѣнистомъ саду.

„И мы, точно бѣдность, въ душѣ иной разъ
Блаженство боговъ созерцаемъ.

И такъ же Эротъ зарождается въ насъ:
Мы вѣчнаго счастья желаемъ“!...

Тѣмъ счастьемъ, которое есть у насъ, мы рѣдко бываемъ довольны: оно кажется намъ неполнымъ и скоро проходящимъ. Мы жаждемъ вѣчнаго счастья и вѣримъ, что сможемъ испытать его лишь въ потомствѣ, въ которомъ будетъ жить нашъ духъ. Отсюда желаніе продолжиться въ потомствѣ, отсюда—любовь...

„И счастье любви мы Эротомъ зовемъ,
Но счастья, други, мы ищемъ во всемъ“...

Эротъ не только въ любви мужчины и женщины: онъ всюду, гдѣ есть стремленье къ прекрасному; онъ въ стихахъ поэта, онъ въ созданіяхъ философа, и

... „Кромѣ плотскихъ, земнородныхъ дѣтей,
Родятся другія у мудрыхъ людей:
Высокія мысли, восторженный стихъ,
Рѣшенье великихъ вопросовъ,
Какъ въ дѣтяхъ, въ созданьяхъ

безсмертныхъ своихъ

Живутъ и поэтъ и философъ!...

Кто хочетъ духовныхъ дѣтей породать,
Тотъ всюду прекраснаго долженъ искать,
Вездѣ любоваться живой красотою,
Пока, наконецъ, не узнаетъ,
Что въ тѣлѣ красивомъ и въ мысли святой
Единое Благо сіяетъ“...*)

---

*) Философская поэма Платона «Пиръ» въ стихотворномъ изложеніи А. Нечаева.

То было подь небомъ древней Эллады, въ которой жилъ тогда „земли прекраснѣйшій народъ“ . . .

Двадцать два вѣка прошло съ тѣхъ поръ, и что же случилось съ Эротомъ?

Онъ все такъ же царить надъ землей, все такъ же юнъ и прекрасенъ. И все тѣ же два у него лика: ликъ бога земного и ликъ бога небснаго.

И все такъ же загорается божественный свѣтъ въ душѣ человѣка, когда сердца касается любовь; все такъ же пѣснь льется свободно.

Эротъ по прежнему—поэтъ „величайшій“ и „премудрый“. Стала лишь многоструннѣй его арфа . . . . .

Въ настоящій сборникъ, первый изъ предполагаемой серіи, вошли избранные издательствомъ стихи о любви современныхъ русскихъ поэтовъ.

Издательство.

Февраль 1922 г.

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

А. БЛОКЪ.

W. B. D. A.

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо—
Все въ обликѣ одномъ предчувствую Тебя.

Весь горизонтъ въ огнѣ—и ясенъ нестерпимо,
И, молча, жду,—тоскуя и любя.

Весь горизонтъ въ огнѣ, и близко появленье,
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты,

И дерзкое возбудишь подозрѣнье,
Смѣнивъ въ концѣ привычныя черты.

О, какъ паду и горестно и низко,
Не одолѣвъ смертельныя мечты!

Какъ ясенъ горизонтъ! И лучезарность близко.
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты.

4 іюня 1901 г.
с. Шахматова.

Ты горишь надъ высокой горою,
Недоступна въ своемъ терему.
Я примчуся вечерней порою,
Въ упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышавъ меня издалека,
Свой костеръ разведешь ввечеру.
Стану, вѣрный велѣніямъ Рока,
Постигать огневую игру.

И, когда среди мрака снопами
Искры станутъ кружиться въ дыму,—
Я умчусь съ огневыми кругами
И настигну Тебя въ терему.

18 августа 1901 г.

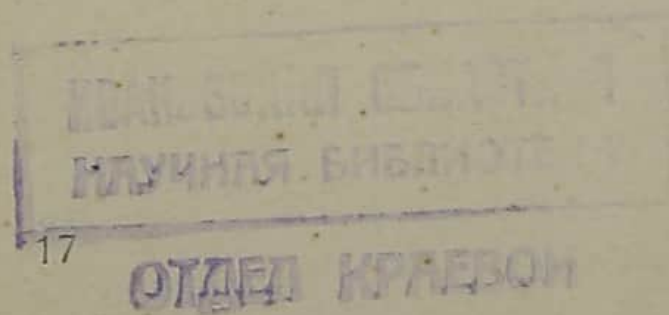
Днемъ вершу я дѣла суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная Ты
Предо мной затѣваешь игру.

Я люблю эту ложь, этотъ блескъ,
Твой манящій дѣвичій нарядъ,
Вѣчный гомонъ и уличный трескъ,
Фонарей убѣгающій рядъ.

Я люблю, и люблюсь, и жду
Переливчатыхъ красокъ и словъ.
Подойду и опять отойду
Въ глубины протекающихъ сновъ.

Какъ Ты лжива и какъ Ты бѣла!
Мнѣ же по сердцу бѣлая ложь...
Завершая дневныя дѣла,
Знаю—вечеромъ снова придешь.

5 апрѣля 1902 г.

Вхожу я въ темные храмы,
Совершаю бѣднѣйшій обрядъ.
Тамъ жду я Прекрасной Дамы
Въ мерцаньи красныхъ лампадъ.

Въ тѣни у высокой колонны
Дрожу отъ скрипа дверей.
А въ лицо мнѣ глядитъ, озаренный,
Только образъ, лишь сонъ о Ней.

О, я привыкъ къ этимъ ризамъ
Величавой Вѣчной Жены!
Высоко бѣгутъ по карнизамъ
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, какъ ласковы свѣчи,
Какъ отрадны Твои черты!
Мнѣ не слышны ни вздохи; ни рѣчи,
Но я вѣрю: Милая—Ты.

25 октября 1902 г.

Ты въ поля отошла безъ возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красныя копыя заката
Протянули ко мнѣ остріе.

Лишь къ Твоей золотой свирѣли
Въ черный день устами прильну.
Если всѣ мольбы отзвенѣли, —
Угнетенный, въ полѣ усну.

Ты пройдеши въ золотой порфирѣ—
Ужъ не мнѣ глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть въ этомъ сонномъ мірѣ,
Цѣловать излученный путь.

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

Страстная Суббота 1905 г.

НЕЗНАКОМКА.

По вечерамъ надъ ресторанами
Горячій воздухъ дикъ и глухъ,
И править окриками пьяными
Весенній и тлетворный духъ.

Вдали, надъ пылью переулочной,
Надъ скукой загородныхъ дачъ,
Чуть золотится крендель булочной,
И дѣтскій раздается плачь.

И каждый вечеръ, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канавъ гуляютъ съ дамами
Испытанные остряки.

Надъ озеромъ скрипятъ уключины,
И раздается женскій визгъ,
А въ небѣ ко всему приученный
Безсмысленно кривится дискъ.

И каждый вечеръ другъ единственный
Въ моемъ стаканѣ отражень
И влагой терпкой и таинственной,
Какъ я, смиренъ и оглушенъ.

А рядомъ у сосѣднихъ столиковъ
Лакеи сонные торчатъ,
И пьяницы съ глазами кроликовъ
«In vino veritas!» кричатъ.

И каждый вечеръ въ часъ назначенный,
(Иль это только снится мнѣ?)
Дѣвичій станъ, шелками схваченный,
Въ туманномъ движется окнѣ.

И медленно пройдя межъ пьяными,
Всегда безъ спутниковъ, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И вѣютъ древними повѣрьями
Ея упругіе шелка,
И шляпа съ траурными перьями,
И въ кольцахъ узкая рука.

И странной близостью закованный
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берегъ очарованный
И очарованную даль.

Глухія тайны мнѣ поручены,
Мнѣ чье-то солнце вручено,
И всѣ души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненныя
Въ моемъ качаются мозгу,
И очи синія, бездонныя
Цвѣтутъ на дальнемъ берегу.

Въ моей душѣ лежитъ сокровище,
И ключъ порученъ только мнѣ!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина въ винѣ.

· Озерки 24 Апрѣля 1906 г.

Въ синемъ небѣ, въ темной глуби
Надъ соборомъ—тишина.
Мы одну и ту же любимъ,
Легковѣйшая весна.

Какъ согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не рѣчами
Покорила насъ она,

Удивленными очами
Мы съ тобой покорены,
Надъ округлыми плечами
Косы въ узелъ сплетены.

Эта дѣвушка узнала
Чары легкія весны.
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны,

Опустила покрывало,
Руки нѣжныя сплела,
Тонкій станъ заколдовала,
Въ храмъ вечерній привела,

Обняла дѣвичьи плечи,
Поднялась въ колокола,
Погасила въ храмѣ свѣчи,
Осѣнила купола,

И за дѣвушкой—далече
Въ синихъ улицахъ—весна,
Смолкли звоны, стихли рѣчи,
Тихо молится она...

Въ синемъ небѣ, въ темной глуби
Надъ соборомъ—тишина.
Мы съ тобой такъ нѣжно любимъ,
Тиховѣйшая весна!

Ноябрь 1906 г.

О доблестяхъ, о подвигахъ, о славѣ
Я забывалъ на горестной землѣ,
Когда твое лицо въ простой оправѣ
Передо мной сіяло на столѣ.

Но часъ насталъ, и ты ушла изъ дому,
Я бросилъ въ ночь завѣтное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забылъ прекрасное лицо.

Летѣли дни, крутятся проклятымъ роємъ...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнилъ я тебя предъ аналоемъ,
И звалъ тебя, какъ молодость свою...

Я звалъ тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лилъ, но ты не снизошла.
Ты въ синій плащъ печально завернулась,
Въ сырую ночь ты изъ дому ушла.

Не знаю, гдѣ пріютъ своей гордынѣ
Ты, милая, ты, нѣжная, нашла . . .
Я крѣпко сплю, мнѣ снится плащъ твой синій,
Въ которомъ ты въ сырую ночь ушла . . .

Ужъ не мечтать о нѣжности, о славѣ,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо въ его простой оправѣ
Своей рукой убралъ я со стола.

Декабрь 1908 г.

Когда то гордый и надменный,
Теперь съ цыганкой я въ раю,
И вотъ—прошу ее смиренно:
„Спляши, цыганка, жизнь мою“.

И долго длится плясъ ужасный,
И жизнь проходитъ предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...

То кружится, закинувъ руки,
То поползеть змѣей,—и вдругъ
Вся замерла въ истомѣ скуки,
И бубень падаетъ изъ рукъ...

О, какъ я былъ богатъ когда то,
Да все—не стоитъ пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще—смертная тоска.

11 іюля 1910 г.

ВЪ РЕСТОРАНЪ.

Никогда не забуду (онъ былъ, или не былъ,
Этотъ вечеръ): пожаромъ зари
Сожжено и раздвинуто блѣдное небо,
И на желтой зарѣ—фонари.

Я сидѣлъ у окна въ переполненномъ залѣ.
Гдѣ-то пѣли смычки о любви.
Я послалъ тебѣ черную розу въ бокалъ
Золотого, какъ небо, Аи.

Ты взглянула, я встрѣтилъ смущенно и дерзко
Взоръ надменный и отдалъ поклонъ.
Обратясь къ кавалеру, намѣренно рѣзко
Ты сказала:—И этотъ влюбленъ.

И сейчасъ же въ отвѣтъ что-то грянули струны,
Изступленно запѣли смычки...
Но была ты со мной всѣмъ презрѣніемъ юнымъ,
Чуть замѣтнымъ дрожаньемъ руки...

Ты рванулась движеньемъ испуганной птицы,
Ты прошла, словно сонъ мой легка . . .
И вздохнули духи, задремали рѣсницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но изъ глуби зеркалъ ты мнѣ взоры бросала
И, бросая, кричала: — Лови! . . .
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала зарѣ о любви.

19 апрѣля 1911 г.

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется въ сердце вѣтеръ снѣжный,
И не спасетъ ни голосъ нѣжный,
Ни безмятежный часъ труда...

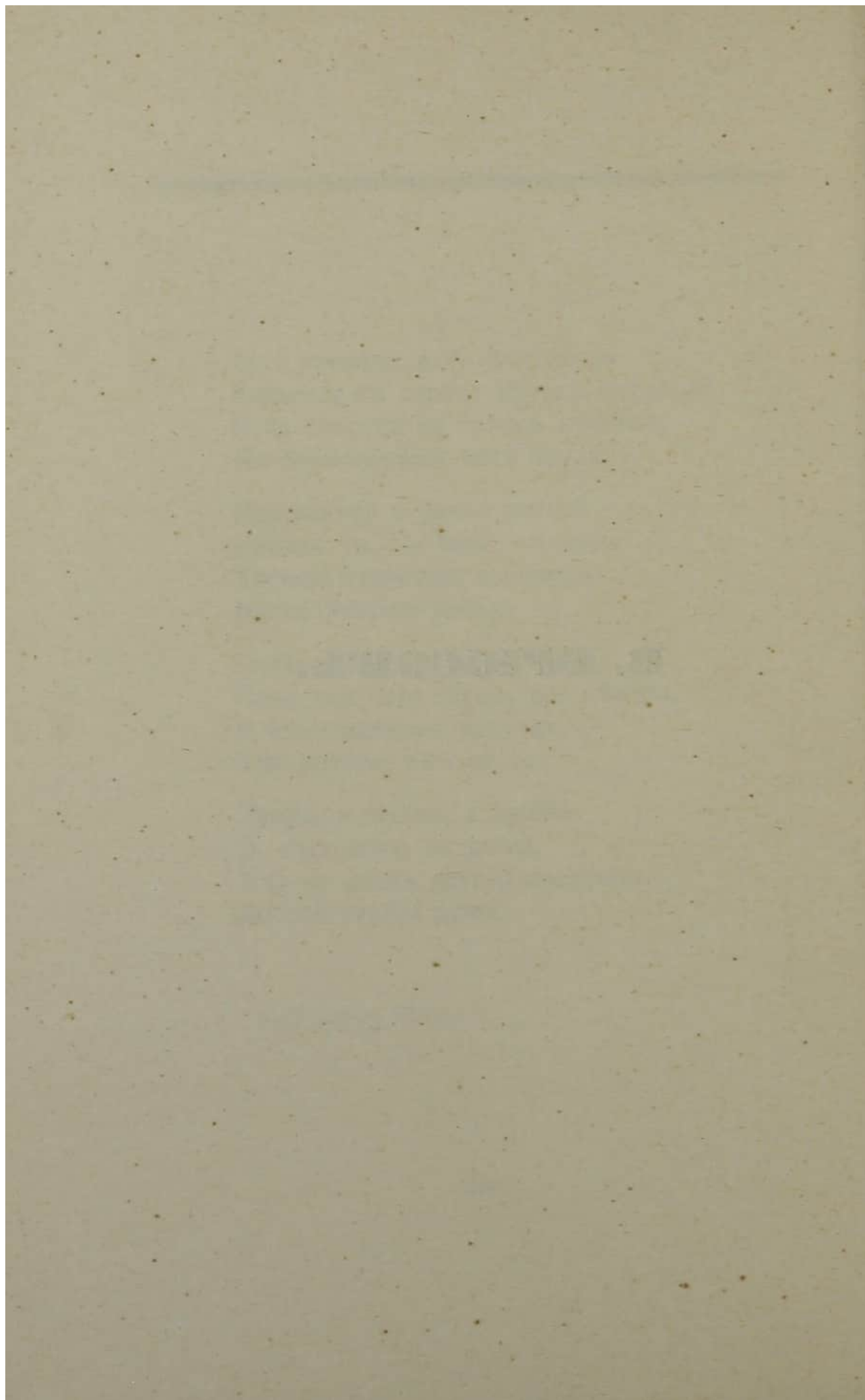
Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря—въ крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идетъ безуміе любви...

Поль-сердца—туча грозовая,
Подъ ней—все глушь, все нѣмота,
И эта—прежняя, простая,—
Уже другая, ужъ не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всемъ другой послушна
Доселѣ гордая душа.

22 ноября 1913 г.

В. БРЮСОВЪ.

Amor condusse noi ad una.

Любовь ведетъ насъ къ одному,
Но разными путями:
Проходишь ты сквозь скорбь и тьму,
Я ослѣпленъ лучами.

Есть путь по гребнямъ грозныхъ горъ,
По гибельному склону;
Привель онъ съ трона на костерь
Прекрасную Дидону.

Есть темный путь, ведущій въ ночь,
Во глубь, въ земныя нѣдра.
На немъ кто бь могъ тебѣ помочь,
Удавленница Федра?

Есть путь межъ молнійныхъ огней,
Межъ ужаса и блеска.
Путь краткихъ, но прекрасныхъ дней, —
Твой страшный путь, Франческа!

Лазурный, лучезарный путь
Пригрезился Джульетѣ.
Она могла восторгъ вдохнуть,
Но нѣтъ! не жить на свѣтѣ!

Любовь приводитъ къ одному, —
Вы, любящіе, вѣрьте!
Сквозь скорбь и радость, свѣтъ и тьму,
Къ блаженно-страшной смерти!

Odi et amo.
Catullus.

Да, можно любить, ненавидя,
Любить съ омраченной душой,
Съ послѣднимъ проклятіемъ видя
Послѣднее счастье—въ одной!

О, слишкомъ жестокія губы,
О, лживый, приманчивый взоръ,
Весь обликъ, и нѣжный, и грубый,
Влекущій, какъ тьма, разговоръ!

Кто магію сумрачной власти
Въ ея приближенія влилъ?
Кто ядомъ мучительной страсти
Объятыя ея напоилъ?

Хочу проклинать, но невольно
О ласкахъ привычныхъ молю.
Мнѣ страшно, мнѣ душно, мнѣ больно...
Но я повторяю: люблю!

Читаю въ насмѣшливомъ взорѣ
Обманъ, и притворство, и торгъ ...
Но есть упоенье въ позорѣ,
И есть въ униженьи восторгъ!

Когда поцѣлуи во мракѣ
Вонзаютъ въ меня лезвее,
Я, какъ Одиссей о Итакѣ,
Мечтаю о дняхъ безъ нея.

Но лишь Калипсо я покинулъ,
Тоскую опять събъ одной.
О горе мнѣ! жребій я вынулъ
Означенный черной чертой!

КУБОКЪ.

Кто бъ ни подалъ кубокъ жгучій...

Tertia Vigilia.

Вновь тотъ же кубокъ съ влагой черной,
Вновь кубокъ съ влагой огневой!
Любовь, противникъ необорный,
Я узнаю твой кубокъ черный,
И мечъ, взнесенный надо мной.

О дай припасть устами къ краю
Бокала смертнаго вина!
Я бросилъ щитъ, я уступаю, —
Лишь дай, припавъ устами къ краю,
Огонь отравы пить до дна!

Я знаю, мечъ меня не минетъ,
И кубокъ твой беру, спѣша.
Скорѣй! скорѣй! пусть пламя хлынетъ,
И крикъ восторга въ небо кинетъ
Моя сожженная душа!

Прощаю все,—и то, что ты лгала мнѣ
Губами алыми, дарами долгихъ ласкъ,
Что вмѣсто хлѣба мнѣ давала камни,
Что на рукахъ цѣпей я слышалъ лязгъ;

И то, что мной цѣлованное тѣло
Бросала ты лобзаніямъ другихъ,
И то, что сдѣлать лживымъ ты хотѣла
Мой праведный, мой богомольный стихъ!

Прощаю все,—за то, что были алы
Твои, всечасно лгавшія уста,
Что жгли меня твоихъ грудей овалы,
Что есть въ твоёмъ лицѣ одна черта;

Еще за то, что ласковымъ названьемъ
Ты нѣжила меня въ часъ темноты;
За то, что всѣмъ томленьямъ, всѣмъ страданьямъ
Меня обречь умѣла только ты!

АНТОНІЙ.

Ты на закатномъ небосклонѣ
Былыхъ, торжественныхъ временъ,
Какъ исполинъ стоишь, Антоній,
Какъ яркій, незабвенный сонъ.

Боролись за народъ трибуны
И императоры—за власть,
Но ты, прекрасный, вѣчно юный
Одинъ алтарь поставилъ—страсть!

Побѣдный лавръ и скиптръ вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросилъ на вѣсы, надменный,
И перевѣсила любовь!

Когда вершились судьбы міра
Среди вспѣнныхъ боемъ струй,—
Вѣнецъ и пурпуръ триумвира,
Ты промѣнялъ на поцѣлуй.

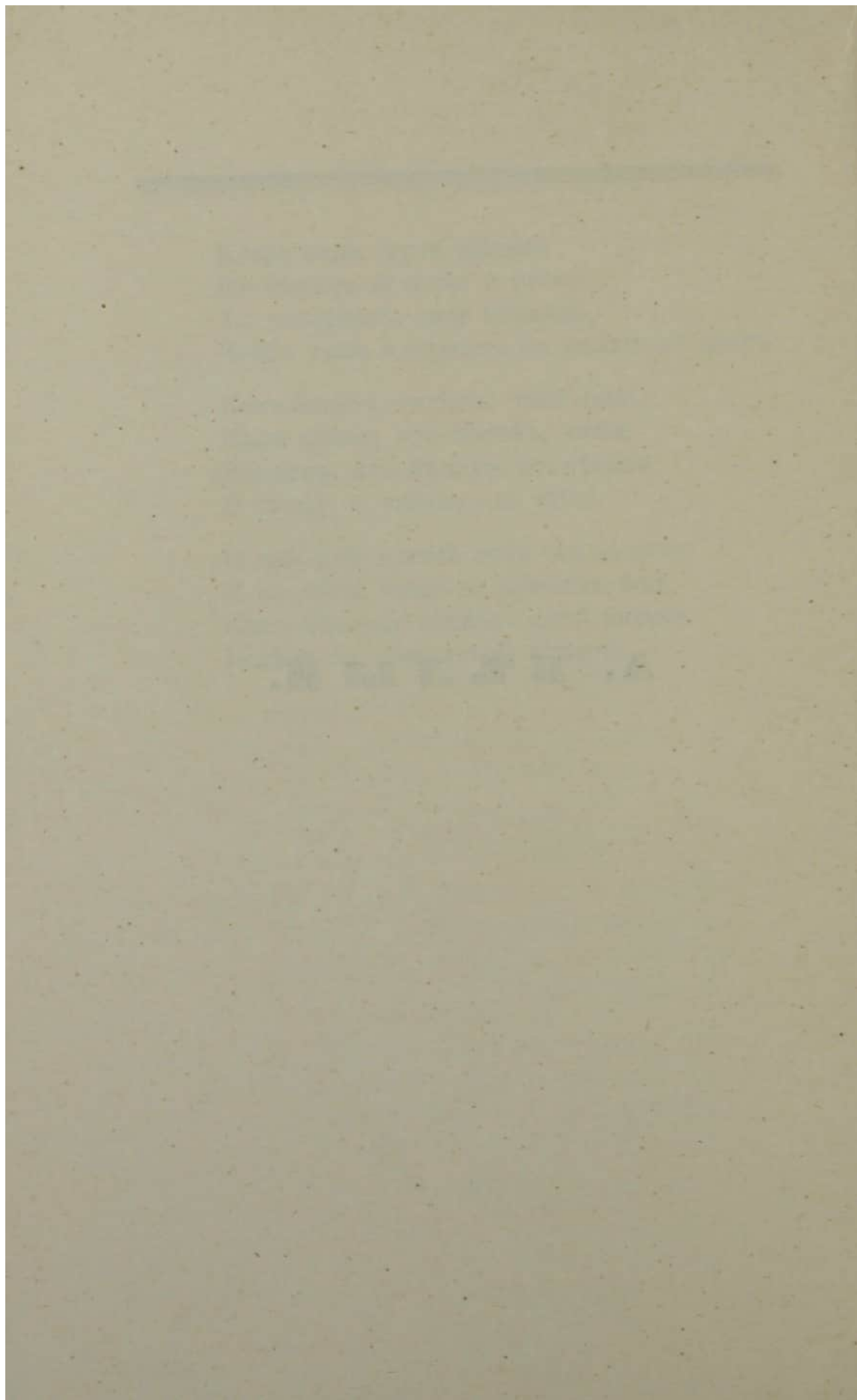

Когда одна черта дѣлила
Въ вѣкахъ величье и позоръ,
Ты повернулъ свое кормило,
Чтобъ разъ взглянуть въ желанный взоръ.

Какъ нимбъ, любовь, твое сіянье
Надъ всѣми, кто погибъ, любя;
Блаженъ, кто вѣдалъ посмѣянье,
И стыдъ, и гибель—за тебя!

О дай мнѣ жребій тотъ же вынуть,
И въ часъ, когда не конченъ бой,
Какъ бѣглецу корабль свой кинуть
Вслѣдъ за египетской кормой!

А. БЪЛЫЙ.

КЪ НЕЙ.

Травы одѣты
Перлами.
Гдѣ то привѣты
Грустные
Слышу,—привѣты
Милые...

Милая, гдѣ ты,—
Милая?
Вечера свѣты
Ясные,
Вечера свѣты
Красные,—
Руки воздѣты:
Жду тебя....

Милая, гдѣ ты,—
Милая?

Руки воздѣты:
Жду тебя.
Въ струяхъ Леты
Смытую
Блѣдными Леты
Струями.
Милая, гдѣ ты,—
Милая?

ОБЪЯСНЕНИЕ ВЪ ЛЮБВИ.

Посвящается дорогой матери.

Сіяетъ роса на листочкахъ,
И солнце надъ прудомъ горитъ.
Красавица съ мушкой на щечкахъ,
Какъ пышная роза, сидитъ.

Любезная сердцу картина!
Вся въ бѣлыхъ, сквозныхъ кружевахъ
Мечтаетъ подъ звукъ клавесина...
Горитъ въ золотистыхъ лучахъ

Подъ вешнею лаской фортуны
И хмѣлью обвитый карнизъ,
И стѣны. Прекрасный и юный
Предъ нею склонился маркизъ.

Въ привычно заученной роли,
Въ волнисто сѣдомъ парикѣ,
Въ лазурно-атласномъ камзолѣ,
Съ малиновой розой въ рукѣ.

„Я Васъ обожаю, кузина!
„Извольте цвѣтокъ сей принять...“
Смѣются подъ звукъ клавесина,
И хочеть подругу обнять.

Уже вдоль газоновъ росистыхъ
Туманъ блѣдно-бѣлый ползеть.
Въ волнахъ фіолетово-мглистыхъ
Луна золотая плыветъ.

К. БАЛЬМОНТЪ.

J. THOMAS J. II

БЕЛЛАДОННА.

Счастье души утомленной

Только въ одномъ:

Быть какъ цвѣтокъ полусонный

Въ блескъ и шумъ дневномъ,

Внутреннимъ свѣтомъ свѣтиться,

Все позабыть, и забыться,

Тихо, но жадно упиться

Тающимъ сномъ.

Счастье ночной Белладонны—

Лаской убить.

Взоры ея полусонны,

Любо ей день позабыть,

Свѣтомъ луны расцвѣчаться,

Сердцемъ съ луною встрѣчаться,

Тихо подъ вѣтромъ качаться,

Въ смерти любить.

Другъ мой, мы оба устали,

Радость моя!

Радости нѣтъ безъ печали

Между цвѣтами—змѣя.

Кто же съ душой утомленной

Вспыхнетъ мечтой полусонной

Кто расцвѣтетъ белладонной,—

Ты или я?

ВЛАГА.

Съ лодки скользнуло весло.
Ласково млѣветъ прохлада.
„Милый! мой милый!“ Свѣтло,
Сладко отъ бѣглаго взгляда.

Лебедь уплылъ въ полумглу,
Вдаль, подъ луною бѣлѣя.
Ластятся волны къ веслу,
Ластится къ влагѣ лилея.

Слухомъ невольню ловлю
Лепеть зеркальнаго лона.
„Милый! Мой милый! Люблю!“ —
Полночь глядитъ съ небосклона.

ДО ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ.

Быть можетъ, когда ты уйдешь отъ меня,
Ты будешь ко мнѣ холоднѣй.
Но цѣлую жизнь, до послѣдняго дня,
О, другъ мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новыя страсти придуть,
Съ другимъ ты забудешься вновь.
Но въ памяти прежніе образы ждуть,
И старая тлѣетъ любовь.

И будетъ мучительно-сладостный мигъ:--
Въ лучахъ отлетѣвшаго дня,
Съ другимъ заглянувши въ безсмертный родникъ,
Ты вздрогнешь--и вспомнишь меня.

НѢЖНѢ ВСЕГО.

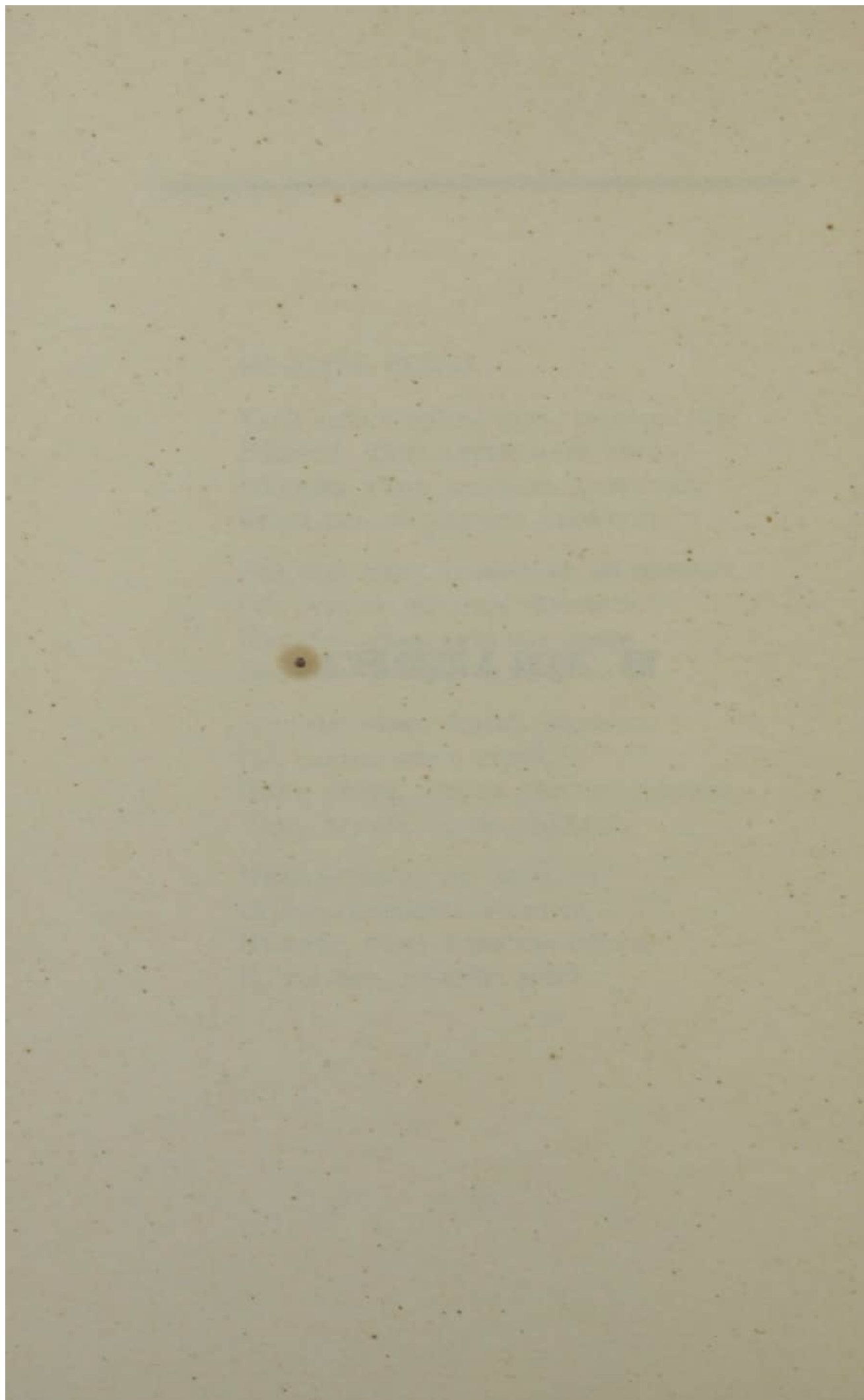
Твой смѣхъ прозвучалъ, серебристый,
НѢжнѣй, чѣмъ серебряный звонъ, —
НѢжнѣе, чѣмъ ландышъ душистый,
Когда онъ въ другого влюбленъ.

НѢжнѣй, чѣмъ признанье во взглядѣ,
Гдѣ счастье желанья зажглось, —
НѢжнѣе, чѣмъ свѣтлыя пряди
Внезапно упавшихъ волосъ.

НѢжнѣе, чѣмъ блескъ водоема,
Гдѣ слитое пѣніе струй, —
Чѣмъ пѣсня, что съ дѣтства знакома,
Чѣмъ первой любви поцѣлуй.

НѢжнѣе того, что желанно
Огнемъ волшебства своего, —
НѢжнѣе, чѣмъ польская панна,
И, значить, нѢжнѣе всего.

В. ИВАНОВЪ

ЗАРЯ ЛЮБВИ.

Какъ наливаясь, рдяный плодъ
Полднейной кровію смуглѣть,
Какъ въ брызгахъ огненныхъ смѣлѣть
Предъ близкимъ солнцемъ небосводъ:

Такъ ты, любовь, упреждена
Весной души, лучомъ—предтечей.
Таинственно освѣтлена,
Зарѣть и горитъ она,
Пока слѣпительною встрѣчей
Не обомретъ—помрачена.

ПОХОРОНЫ.

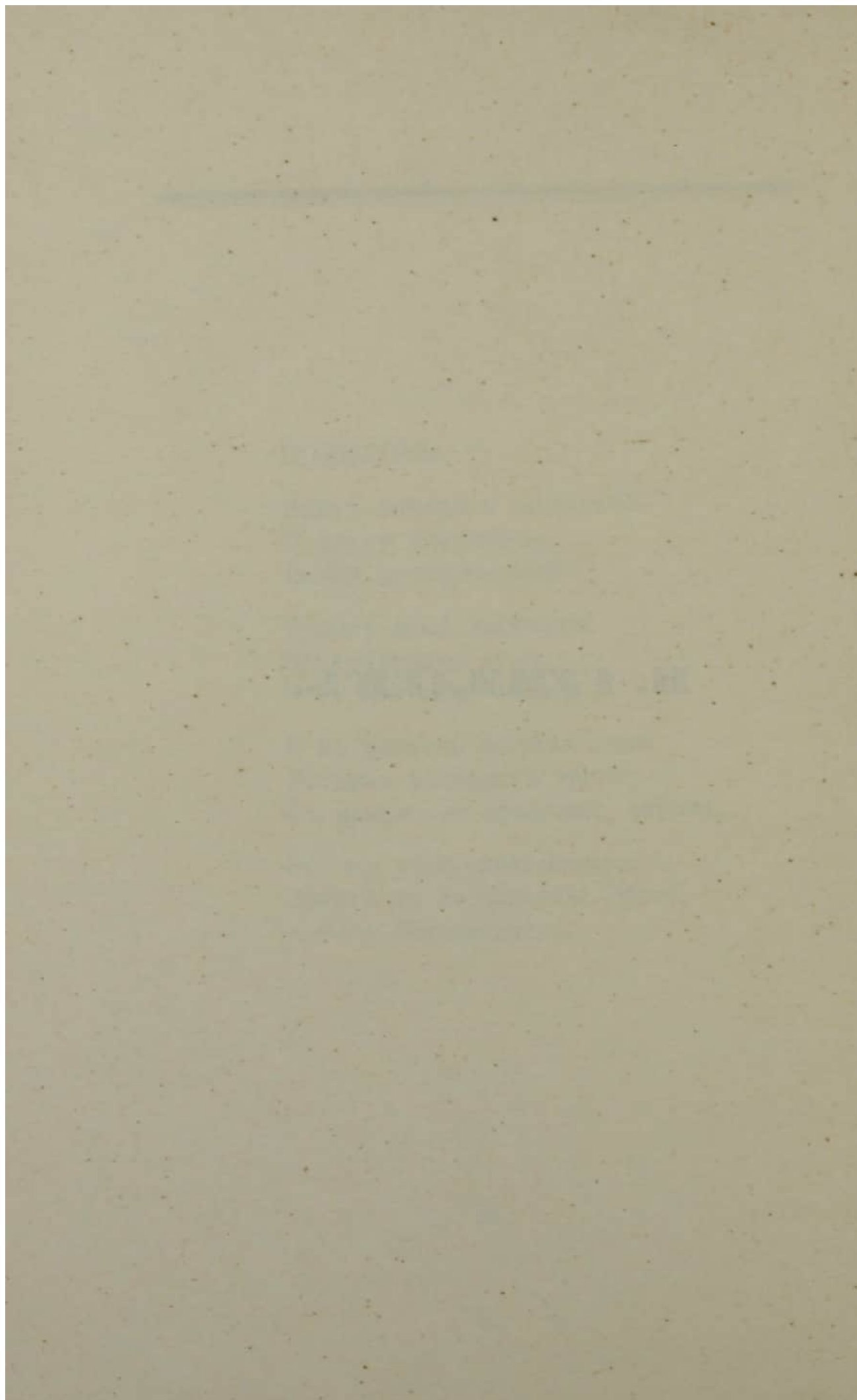
Всѣхъ похоронъ печальнѣй
О, други, погребенье
Любви нераздѣленной.

Троихъ душа хоронить:
Возлюбленную душу,
И съ ней себя—иную;

И въ пламень погребальный
Живымъ восходить третій,—
Съ ярмомъ на крыльяхъ, отрокъ;

Его жъ уста влюбленныхъ
Зовутъ въ лобзаньяхъ: Эросъ,
А боги: Воскреситель.

И. ГУМИЛЕВЪ.

ОТРАВЛЕННЫЙ.

«Ты совсѣмъ, совсѣмъ снѣговая,
Какъ ты странно и страшно блѣдна!
Почему ты дрожишь, подавая
Мнѣ стаканъ золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой...
Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью и выпью съ улыбкой
Все налитое ею вино.

А потомъ, когда свѣчи потушатъ,
И кошмары придутъ на постель,
Тѣ кошмары, что медленно душатъ,
Я смертельный почувствую хмѣль...

И приду къ ней, скажу: „дорогая,
Видѣлъ я удивительный сонъ,
Ахъ, мнѣ снилась равнина безъ края,
И совсѣмъ голубой небосклонъ.

„Знай, я больше не буду жестокимъ,
Будь счастливой, съ кѣмъ хочешь, хоть съ нимъ,
Я уѣду, далекимъ, далекимъ,
Я не буду печальнымъ и злымъ.

„Мнѣ изъ рая, прохладнаго рая
Видны бѣлые отсвѣты дня...
И мнѣ сладко—не плачь, дорогая,
Знать, что ты отравила меня“.

О Н А.

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая отъ словъ
Живеть въ таинственномъ мерцаньѣ
Ея расширенныхъ зрачковъ.

Ея душа открыта жадно
Лишь мѣдной музыкѣ стиха,
Предъ жизнью дольней и отрадной
Высокомѣрна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Такъ странно плавленъ шагъ ея,
Назвать нельзя ее красивой,
Но въ ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий,
И смѣль и гордъ—я къ ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
Въ ея истомѣ и бреду.

Она свѣтла въ часы томленій
И держитъ молніи въ рукѣ,
И четки сны ея, какъ тѣни
На райскомъ огненномъ пескѣ.

Ю Г Ъ.

За то, что я теперь спокойный
И умерла моя свобода,
О самой свѣтлой, о самой стройной
Со мной бесѣдуетъ природа.

Въ дали, отъ зноя помертвѣлой,
Себѣ и солнцу буйно рада,
О самой стройной, о самой бѣлой
Звенить немолчная цикада.

Увижу ль пѣны побережной
Серебряное колыханье,—
О самой бѣлой, о самой нѣжной
Поеть мое воспоминанье.

Вотъ ставитъ ночь свои вѣтрила
И тихо по небу струится,—
О самой нѣжной, о самой милой
Мнѣ пестрокрылый сонъ приснится.

КАНЦОНА ВТОРАЯ.

Храмъ Твой, Господи, въ небесахъ,
Но земля тоже Твой приютъ.
Расцвѣтають липы въ лѣсахъ,
И на липахъ птицы поютъ.

Точно благовѣсть Твой, весна
По веселымъ идетъ полямъ,
А весною на крыльяхъ сна
Прилетаютъ ангелы къ намъ.

Если, Господи, это такъ,
Если праведно я пою,
Дай мнѣ, Господи, дай мнѣ знакъ,
Что я волю понялъ Твою.

Передъ той, что сейчасъ грустна
Появись, какъ незримый свѣтъ,
И на все, что спроситъ она,
Ослѣпительный дай отвѣтъ.

Вѣдь отраднѣй пѣнія птицъ,
Благодатнѣй ангельскихъ трубъ
Намъ дрожанье милыхъ рѣсницъ
И улыбка любимыхъ губъ.

A. AXMATOVA.

EXAMPLE 1

У меня есть улыбка одна:
Такъ, движенье чуть видное губъ.
Для тебя я ее берегу—
Вѣдь она мнѣ любовью дана.
Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь другихъ,
Преодо мной золотой аналой,
И со мной сѣроглазый женихъ.

1913.

Высокіе своды костела
Синѣй, чѣмъ небесная твердь...
Прости меня, мальчикъ веселый,
Что я принесла тебѣ смерть—

За розы съ площадки круглой,
За глупыя письма твои,
За то, что дерзкій и смуглый,
Мутно блѣднѣлъ отъ любви.

Я думала: ты нарочно—
Какъ взрослые хочешь быть.
Я думала: томно порочныхъ
Нельзя, какъ невѣсть, любить.

Но все оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Слѣдилъ ты уже безстрастно
За мной вездѣ и всегда.

Какъ будто копилъ примѣты
Моей нелюбви. Прости!
Зачѣмъ ты принялъ обѣты
Страдальческаго пути?

И смерть къ тебѣ руки простерла...
Скажи, что было потомъ?
Я не знала, какъ хрупко горло
Подъ синимъ воротникомъ.

Прости меня, мальчикъ веселый,
Совенокъ, замученный мной!
Сегодня мнѣ изъ костела
Такъ трудно уйти домой.

1913. Ноябрь.

Я не знаю, ты живъ или умеръ, —
На землѣ тебя можно искать
Или только въ вечерней думѣ
По усопшемъ свѣтло горевать.

Все тебѣ: и молитва дневная,
И безсонницы млѣющей жаръ,
И стиховъ моихъ бѣлая стая,
И очей моихъ синій пожаръ.

Мнѣ никто сокровеннѣй не былъ,
Такъ меня никто не томилъ,
Даже тотъ, кто на муку предалъ,
Даже тотъ, кто ласкалъ и забылъ.

1915.

Кое какъ удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Врагъ мой вѣчный, пора научиться
Вамъ кого нибудь вправду любить.

Я-то вольная. Все мнѣ забава,—
Ночью Муза слетитъ утѣшать,
А на утро притащится слава
Погремушкой надъ ухомъ трещать.

Обо мнѣ и молиться не стоитъ,
И, уйдя, оглянуться назадъ.
Черный вѣтеръ меня успокоитъ,
Веселитъ золотой листопадъ.

Какъ подарокъ, приму я разлуку
И забвеніе, какъ благодать.
Но скажи мнѣ, на крестную муку
Ты другую посмѣешь послать?

1921.

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Какъ сладко, что не надо
Мнѣ больше ревновать.

Постель мнѣ стелать эту
Съ рыданьемъ и мольбой;
Теперь гуляй по свѣту,
Гдѣ хочешь, Богъ съ тобой.

Теперь твой слухъ не ранить
Неистовая рѣчь,
Теперь никто не станетъ
Свѣчу до утра жечь.

Добились мы покою
И непорочныхъ дней...
Ты плачешь—я не стою
Одной слезы твоей.

1921.

Я гибель накликала милымъ,
И гибли одинъ за другимъ.
О, горе мнѣ! Эти могилы
Предсказаны словомъ моимъ,
Какъ вороны кружатся, чуя
Горячую свѣжую кровь,
Такъ дикія пѣсни, ликуя,
Моя насылала любовь.

Съ тобою мнѣ сладко и знойно,
Ты близокъ, какъ сердце въ груди.
Дай руки мнѣ, слушай спокойно.
Тебя заклинаю: уйди,
И пусть не узнаю я, гдѣ ты.
О, Муза, его не зови,
Да будетъ живымъ, не воспѣтымъ
Моей не узнавшій любви.

1921.

Тебѣ покорной? Ты сошелъ съ ума!
Покорна я одной Господней волѣ.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мнѣ мужъ палачъ, а домъ его тюрьма.

Но видишь ли! Вѣдь я пришла сама;
Декабрь рождался, вѣтры выли въ полѣ,
И было такъ свѣтло въ твоей неволѣ,
А за окошкомъ сторожила тьма.

Такъ птица о прозрачное стекло
Всѣмъ тѣломъ бьется въ зимнее ненастье,
И кровь пятнаетъ бѣлое крыло.

Теперь во мнѣ спокойствіе и счастье.
Прощай мой тихій, ты мнѣ вѣчно — милъ
За то, что въ домъ свой странницу пустилъ.

1921.

А ты теперь тяжелый и унылый,
Отрекшійся отъ славы и мечты,
Но для меня непоправимо милый
И чѣмъ темнѣй, тѣмъ трогательнѣй ты.

Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Что наяву, не знаешь, что во снѣ.
Но зелены мучительные очи,
Покоя, видно, не нашелъ въ винѣ.

И сердце только скорой смерти просить,
Кляня медлительность судьбы.
Все чаще вѣтеръ западный приноситъ
Твои упреки и твои мольбы.

Но развѣ я къ тебѣ вернуться смѣю?
Подъ блѣднымъ небомъ родины моей
Я только пѣть и вспоминать умѣю,
А ты меня и вспоминать не смѣй.

Такъ дни идутъ, печали умножая.
Какъ за тебя мнѣ Господа молить?
Ты угадалъ: моя любовь такая,
Что даже ты ея не могъ убить.

1917, лѣто.

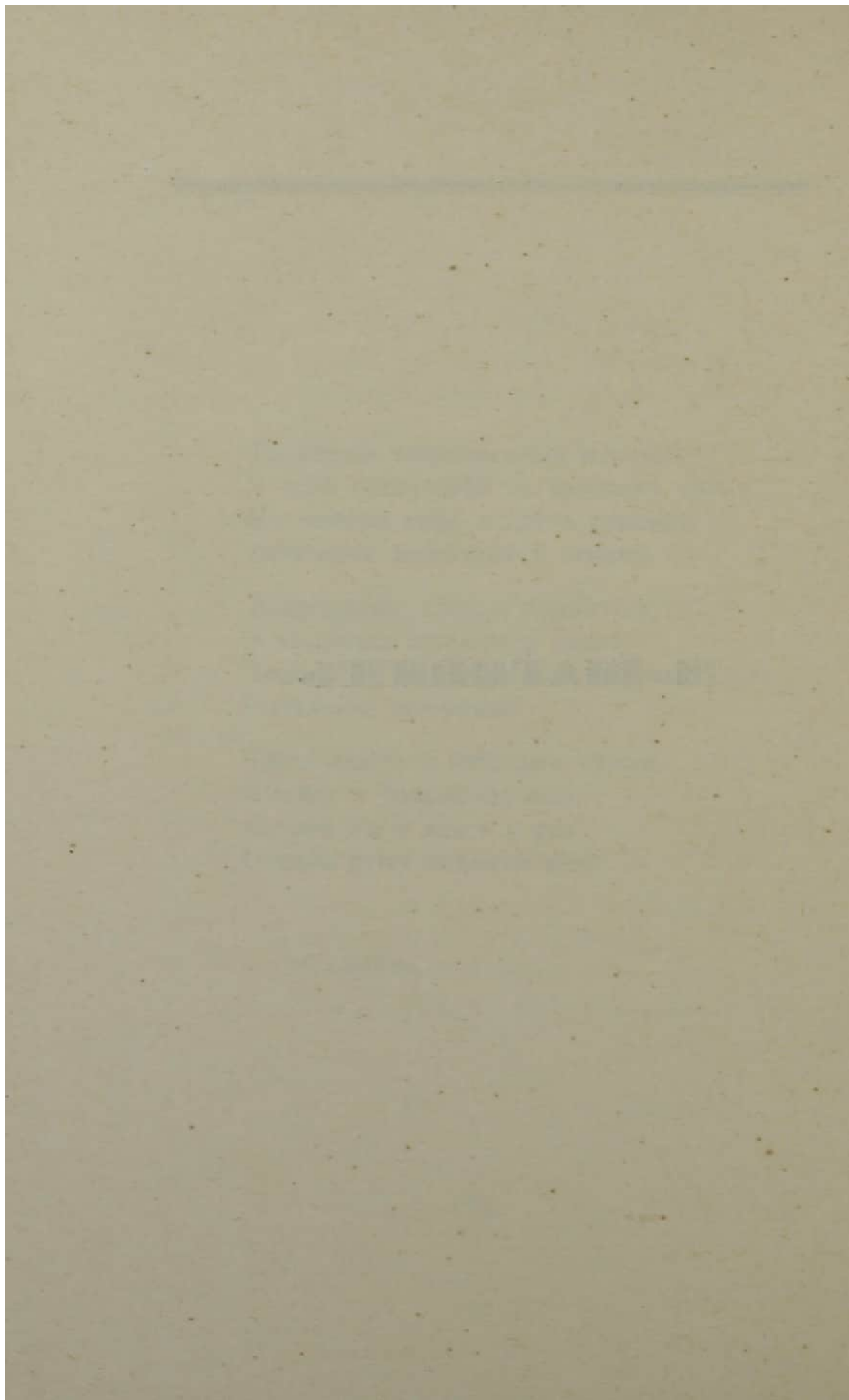
Ты всегда таинственный и новый,
Я тебѣ послушнѣй съ каждымъ днемъ,
Но любовь твоя, о другъ суровый,
Испытаніе желѣзомъ и огнемъ.

Запрещаешь пѣть и улыбаться,
А молиться запретилъ давно!
Только бѣ мнѣ съ тобою не разстаться,
Остальное все равно!

Такъ, землѣ и небесамъ чужая,
Я живу и больше не пою,
Словно ты у ада и у рая
Отнялъ душу вольную мою.

1917. Декабрь.

М. ШАТИШЯНЪ.

ПОЛНОЛУНІЕ.

Кто бъ ты ни былъ,—заходи, прохожій.
Смутенъ вечеръ, сладокъ запахъ нарда...
Для тебя давно покрыто ложе
Золотистой шкурой леопарда.

Для тебя давно таятъ кувшины
Дрогоценный сокъ, желтѣй топаза,
Что добытъ изъ солнечной долины,
Изъ садовъ горячаго Шираза.

Розовѣютъ тусклые гранаты,
Ломти дыни ароматно вялы;
Нѣжный персикъ, смуглый и усатый,
Притаился въ вазѣ, запоздалый.

Я ремни спустила у сандалій,
Я лѣниво растегнула поясъ...
Ахъ, давно глаза читать устали,
Лжетъ Коранъ, лукавитъ Аверроэсъ!

Поспѣши... круглится ликъ Селены;
Кто-бъ ты ни былъ,—будешь господиномъ.
Жарокъ ротъ мой, грудь бѣлѣе пѣны,
Пахнутъ руки чебрецомъ и тминомъ.

Днемъ чебрець на солнцѣ я сушила,
Тминъ собирала, въ часъ поднявшись ранній...
Въ эту ночь—отъ Каспія до Нила—
Дѣвы нѣтъ меня благоуханнѣй!

Онъ только спросилъ, далеко ль до чужого аула;
Сказалъ, что спѣшить, и что жажда его велика.
Онъ только просилъ, чтобы я для него
зачерпнула
Въ дорожную чашу холодной воды родника.
Надъ чашей съ водою тряхнула я розою
пышной,—
И розовой пѣной до края покрылась она.
И, чашу подавши, я такъ прошептала неслышно:
— Пей, путникъ, да будетъ вода тебѣ
слаще вина!
Изъ чаши напился онъ, сдунувши къ самому краю
Съ воды, словно бабочекъ, сдунувъ мои
лепестки...
Вотъ только и было, и какъ онъ коснулся,—
не знаю,
Ахъ, право, не знаю,—моей загорѣлой руки.

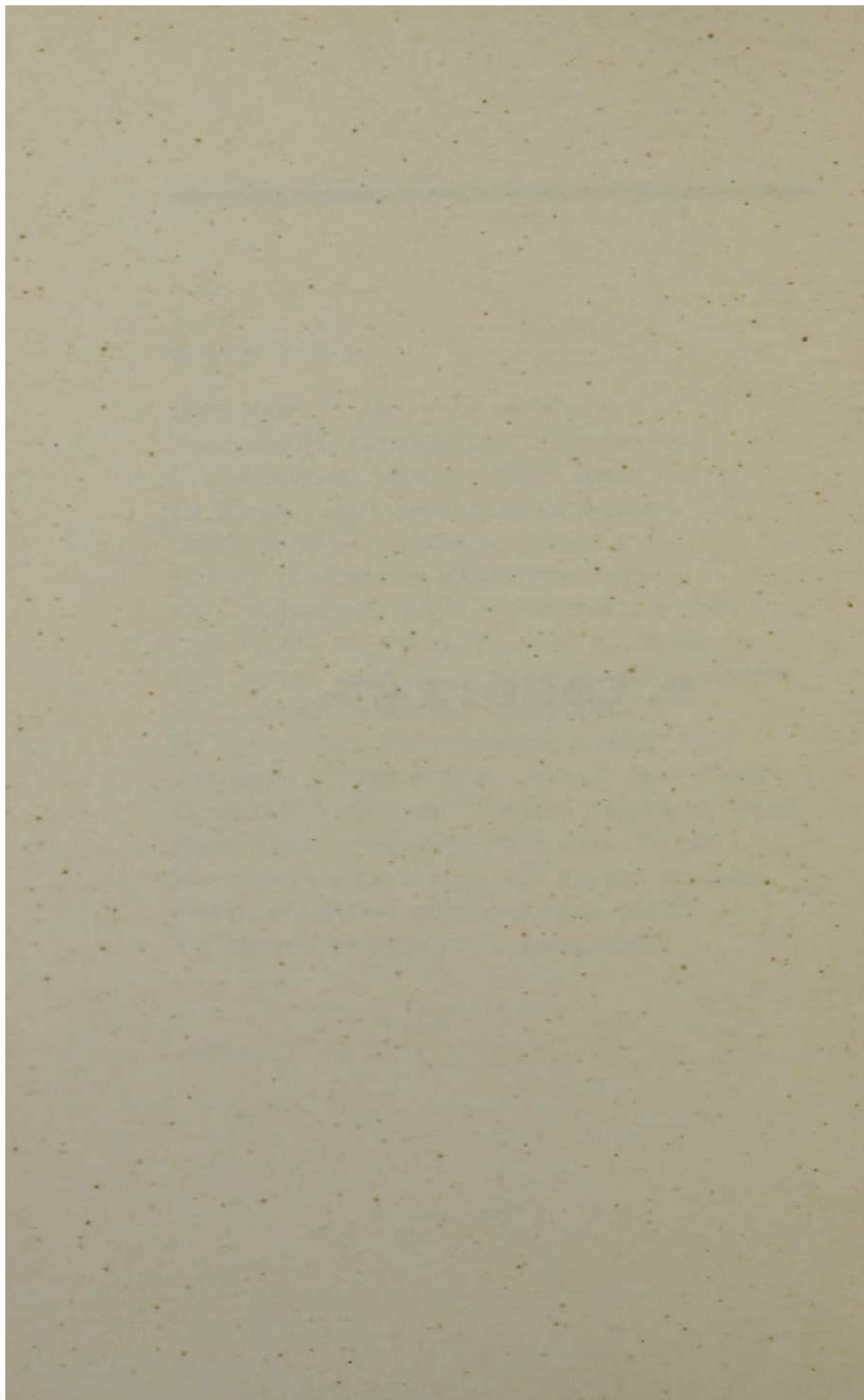
М И Л О М У.

Дитя твое устало быть любимымъ,
Ласкаемымъ, балованнымъ звѣренкомъ,
Все нѣжиться среди ковровъ пушистыхъ,
Да бѣгать, какъ котенокъ, на веревкѣ
Твоей любви!... Ласкать устали руки,
Устали волосы отъ ароматовъ, губы
Отъ поцѣлуевъ, щеки отъ румянъ, а уши
Отъ словъ, съ которыми уста не дружатъ:
Все „жизнь моя“ да „господинъ мой“ шепчутъ
Они, твоимъ покорные приказамъ...
И, слушая ихъ вынужденный лепетъ,
Твердить упрямо сердце: „милый братъ мой“.
О, милый братъ мой! Плачетъ сердце въ тѣлѣ,
Какъ сѣмя, брошенное въ землю. Ты же
Все топчешь эту землю, все въ ней стелешь
Опять землей—и сквозь земную толщу
Ты сѣмени расцвѣсть не позволяешь.

1913 г.

В. СОЛОГУБЪ.

Суровый другъ, ты недоволенъ,
    Что я грустна.
Ты молчаливъ, ты вѣчно боленъ,—
    И я больна.
Но не хочу я быть счастливой,
    Идти къ другимъ.
Съ тобой мнѣ жить въ тоскѣ пугливой,
    Съ больнымъ и злымъ.
Отвыкла я отъ жизни шумной
    И отъ людей.
Мой взоръ горитъ тоской безумной,
    Тоской твоей.
Передъ тобой въ нѣмомъ томленьи
    Сгораю я.
Въ твоёмъ печальномъ заточеньи
    Вся жизнь моя.

Если трудно мнѣ жить, если больно дышать,
Я въ пустыню иду,—о тебѣ помечтать,
О тебѣ рассказать перелетнымъ вѣтрамъ,
О тебѣ погадать по лѣснымъ голосамъ.

Я позвалъ бы тебя,—не умѣю назвать;
За тобой бы послалъ,—да не смѣю послать;
Я пошелъ бы къ тебѣ,—да не знаю пути;
А и зналъ бы я путь,—такъ боялся бѣ идти.

Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забылъ и сокрытаго жду,—
И безмолвная смерть поцѣлуетъ меня,
И къ тебѣ уведетъ, тишиной осѣня.

По дорожкѣ солнечнаго сада
Вкругъ лужайки медленно иду.
Вянутъ маки. Желтая досада
Угнѣздилась въ солнечномъ саду,

И пчела жужжать уже не рада,
И ужь горечь есть въ ея меду,
И дрожатъ незримо капли яда,
Растворясь въ лазоревомъ бреду.

Сердце ноетъ. Ахъ, счастливый жребій
Мнѣ игра полночная дала!
И отъ зависти въ безумномъ небѣ
Стала Венусъ мраморна—бѣла,

И проливъ таинственныя слезы,
Сходитъ долу исполнять угрозы.

31 іюля 1913 г. Тойла.

Въ лугу паслись барашки,
Чуть вѣялъ вѣтерокъ.
Фились рвала ромашки,
Плела изъ нихъ вѣнокъ.

Сильвандра
Она ждала.
Фились Сильвандру,
Сильвандру
Вѣнокъ плела

А въ рощѣ. недалекой
Сильвандръ одинъ гулялъ.
Для Лизы черноокой
Фіалки онъ собиралъ.

Сильвандра
Фились ждала.
Она Сильвандру,
Сильвандру
Вѣнокъ плела.

Вдругъ видитъ, — Лиза входитъ
Украдкою въ лѣсокъ.
Ее къ ручью выводитъ
Коварный пастушокъ.

Сильвандра
Фились ждала.
Фились Сильвандру,
Сильвандру
Вѣнокъ плела.

Таясь въ кустахъ ревниво,
Увидѣла она,
Какъ Лиза шаловлива
И какъ она нѣжна.

Сильвандра
Фились ждала.
Она Сильвандру,
Сильвандру
Вѣнокъ плела.

Къ травѣ склонившись низко,
И плачетъ и дрожить,
Но утѣшенье близко, —
Къ Фились Филень бѣжитъ.

Сильвандра
Она ждала.
Она Сильвандру,
Сильвандру
Вѣнокъ плела.

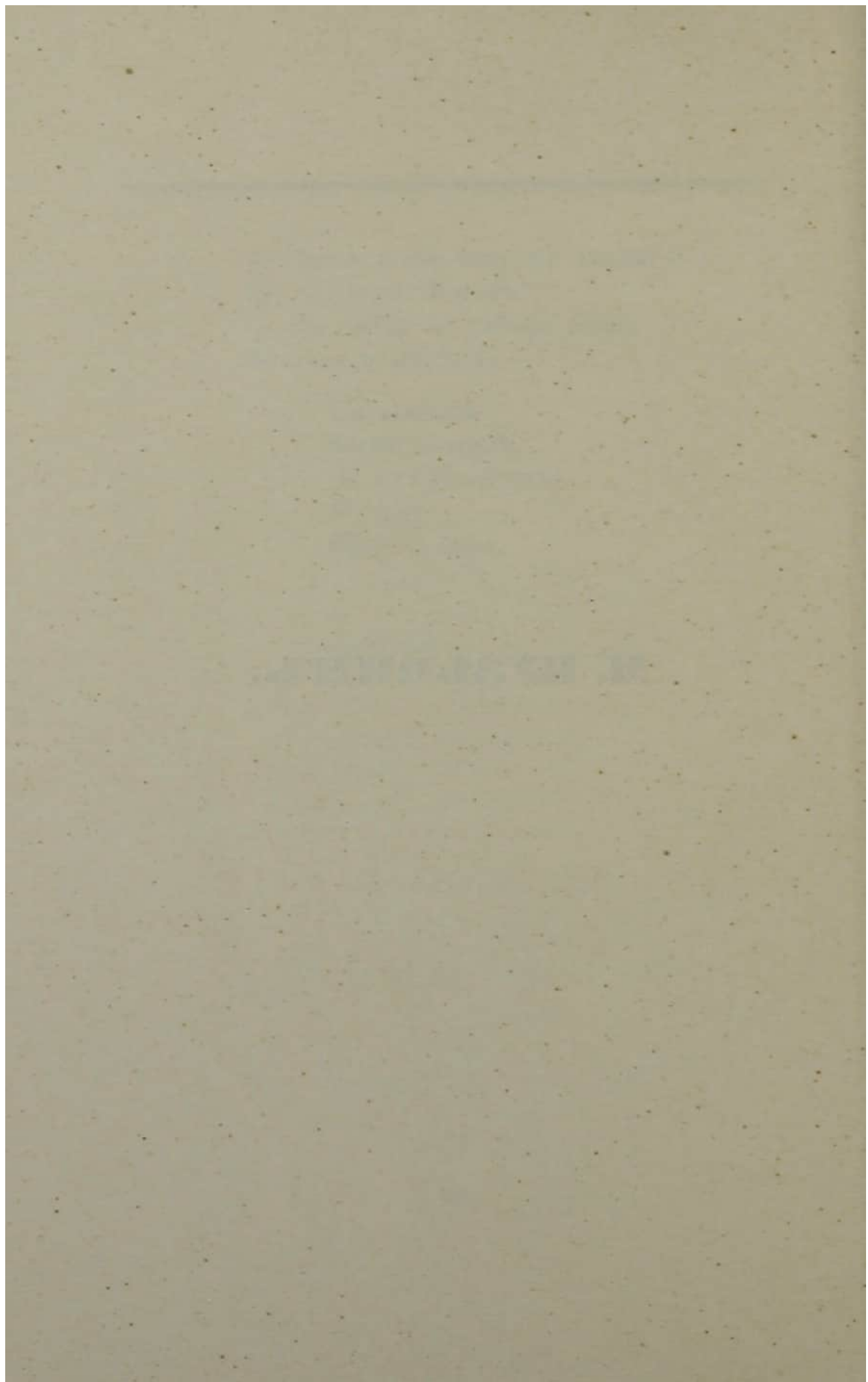
— Фились, къ чему же слезы?—
Ей говоритъ Филень.
— Въ любви не только розы,
Боятся ли измѣнъ?—

Сильвандра
Фились ждала,
Но не Сильвандру,
Филену
Вѣнокъ дала.

23 апрѣля 1921 г.

М. КУЗЬМИШЪ.

ЛЮБВИ УТѢХИ.

Къ разказу С. Ауслендера: „Вечеръ у г-на
де-Севиражъ“;

„Plaisir d'amour ne dure qu'un moment,
Chagrin d'amour dure toute la vie.“

Любви утѣхи длятся мигъ единый,
Любви страданья длятся долгій вѣкъ.
Какъ счастливъ былъ я съ милою Надиной,
Какъ жадно пилъ я кубокъ томныхъ нѣгъ!

Но ахъ! Недолго той любви нѣжной
Мы собирали сладкіе плоды:
Потокъ временъ, несытый и мятежный,
Смыль на пескѣ любимые слѣды.

На томъ лужкѣ, гдѣ вмѣстѣ мы рѣзвились,
Коса скосила мягкую траву;
Вѣнки любви, увы! Они развились,
Надины я не вижу наяву.

Но долго послѣ въ томномъ жарѣ нѣгъ
Другихъ красавицъ звалъ въ бреду Надиной.
Любви страданья длятся долгій вѣкъ,
Любви утѣхи длятся мигъ единый.

1906. Ноябрь.

О, быть покинутымъ—какое счастье!
Какой безмѣрный въ прошломъ виденъ свѣтъ.
Такъ послѣ лѣта—зимнее ненастье:
Все помнишь солнце, хоть его ужъ нѣтъ.

Сухой цвѣтокъ, любовныхъ писемъ связка,
Улыбка глазъ, счастливыхъ встрѣчи двѣ,—
Пускай теперь въ пути темно и вязко,
Но ты весной бродилъ по муравѣ!

Ахъ, есть другой урокъ для сладострастья,
Иной есть путь—пустыненъ и широкъ.
О, быть покинутымъ—такое счастье!
Быть нелюбимымъ—вотъ горчайшій рокъ.

1907. Сентябрь.

ИЗЪ АЛЕКСАНДРІЙСКИХЪ ПЪСЕНЬ.

Когда мнѣ говорятъ: „Александрія“,
я вижу бѣлыя стѣны дома,
небольшой садъ съ грядкой левкоевъ,
блѣдное солнце осенняго вечера
и слышу звуки далекихъ флейтъ:

Когда мнѣ говорятъ: „Александрія“,
я вижу звѣзды надъ стихающимъ городомъ,
пьяныхъ матросовъ въ темныхъ кварталахъ,
танцовщицу, пляшущую „осу“,
и слышу звукъ тамбурина и крики ссоры.

Когда мнѣ говорятъ: „Александрія“
я вижу блѣдно-багровый закатъ надъ зеленымъ
моремъ,
мохнатыя мигающія звѣзды
и свѣтлые сѣрые глаза подъ густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорятъ мнѣ: „Александрія“!

ИЗЪ АЛЕКСАНДРІЙСКИХЪ ПЪСЕНЪ.

Люди видятъ сады съ домами
и море, багровое отъ заката,
люди видятъ чайкъ надъ моремъ
и женщинъ на плоскихъ крышахъ,
люди видятъ воиновъ въ латахъ
и на площади продавцевъ съ пирожками,
люди видятъ солнце и звѣзды,
ручьи и свѣтлая рѣчки,
а я вездѣ только и вижу
блѣдноватая смуглая щеки,
сѣрые глаза подъ темными бровями
и несравнимую стройность стана, —
такъ глаза любящихъ видятъ
то, что видѣть велитъ имъ мудрое сердце.

ИЗЪ АЛЕКСАНДРІЙСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

Сегодня праздникъ:
всѣ кусты въ цвѣту,
поспѣла смородина
и лотосъ плаваетъ въ пруду, какъ улей!
Хочешь,
побѣжимъ въ перегонку,
по дорожкѣ обсаженной желтыми розами
къ озеру, гдѣ плаваютъ золотыя рыбки?
Хочешь,
пойдемъ въ бесѣдку,
намъ дадутъ сладкихъ напитковъ,
пирожковъ и орѣховъ,
мальчикъ будетъ махать опахаломъ,
а мы будемъ смотрѣть
на далекіе огороды съ кукурузой?
Хочешь,
я спою греческую пѣсню подъ арфу,
только уговоръ:
„не засыпать
и по окончаніи похвалить пѣвца и музыканта?“

Хочешь,
я станцую „осу“
одна на зеленой лужайкѣ
для тебя одного?
Хочешь,
я угощу тебя смородиной, не беря руками;
и ты возьмешь губами изъ губъ
красныя ягоды
и вмѣстѣ
поцѣлуй?
Хочешь, хочешь,
будемъ считать звѣзды,
и кто спутается, будетъ наказанъ?
Сегодня праздникъ,
весь садъ въ цвѣту,
приди; мой ненаглядный,
и праздникъ сдѣлай праздникомъ для меня!

ИЗЪ АЛЕКСАНДРІЙСКИХЪ ПЪСЕНЬ.

Развѣ неправда,
что жемчужина въ укусѣ таетъ,
что вербена освѣжаетъ воздухъ,
что нѣжно голубей воркованье?

Развѣ неправда,
что я—первая въ Александріи
по роскоши дорогихъ уборовъ,
по цѣнности бѣлыхъ коней и серебряной сбруи,
по длинѣ черныхъ косъ хитросплетенныхъ!?
что никто не умѣетъ
подвести глаза меня искуснѣй
и каждый палецъ напитать
отдѣльнымъ ароматомъ?

Развѣ неправда,
что съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидала,
ничего я больше не вижу,
ничего я больше не слышу,
ничего я больше не желаю,
какъ видѣть твои глаза,
сѣрые подъ густыми бровями,
и слышать твой голосъ?

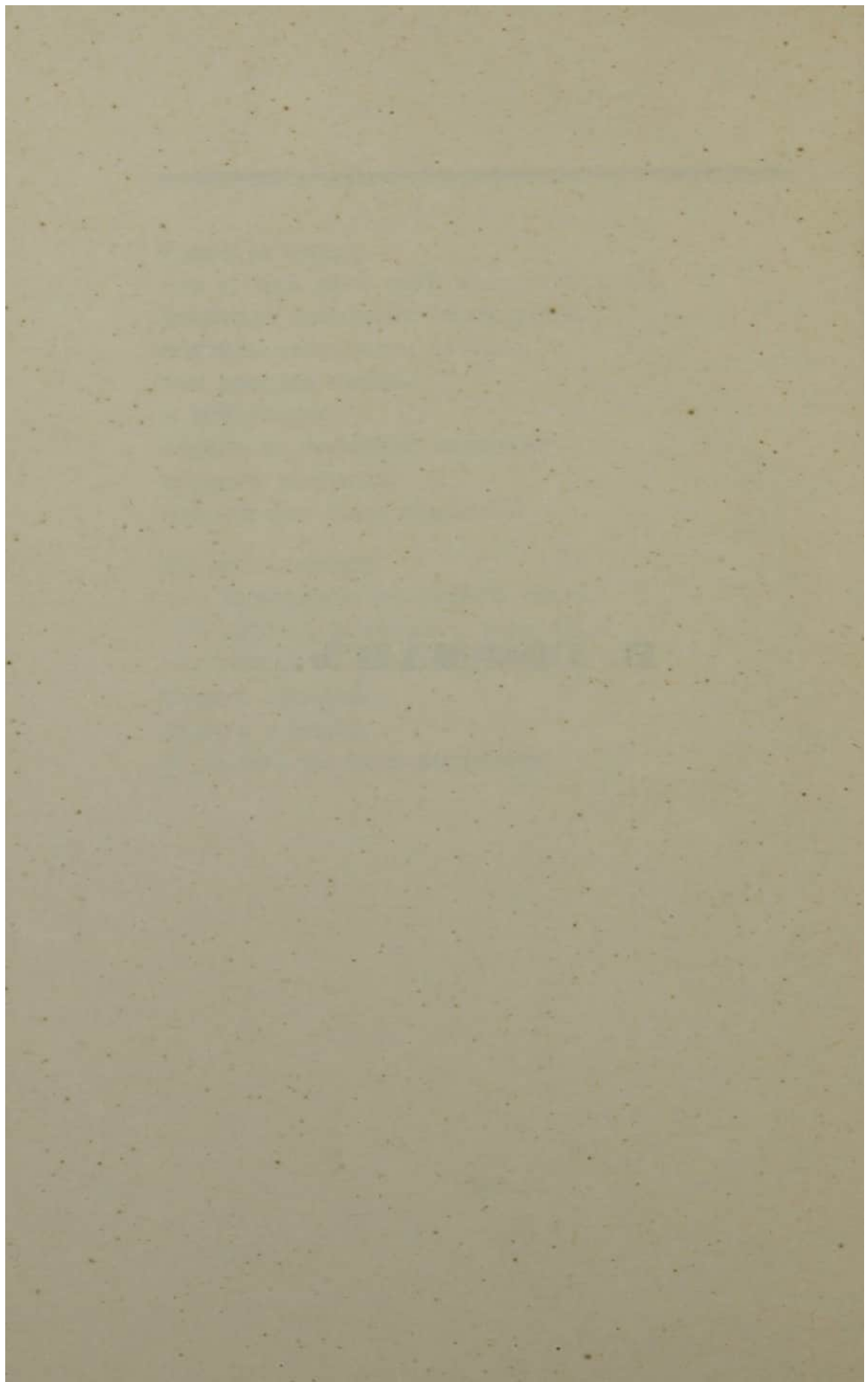

Развѣ неправда,
что я сама дала тебѣ айву откусивши,
посылала опытныхъ наперсницъ,
платила твои долги до того,
что продала имѣнье,
и всѣ уборы
отдала за любовные напитки?
и развѣ неправда,
что все это было напрасно?

Но пусть правда,
что жемчужина въ уксусѣ таетъ,
что вербена освѣжаетъ воздухъ,
что нѣжно голубей воркованье—
будетъ правдой,
будетъ правдой
и то, что ты меня полюбишь!

В. ГОФМАНЪ.

ДА, ЭТО ЮГЪ.

Ты слышишь шелестъ волнъ, смѣняющійся гуломъ,
И ихъ хрустящій бѣгъ на камни и песокъ?

Ты видиши, тамъ, въ чадрахъ идутъ съ упрямымъ
муломъ,

И яркость этихъ глазъ и смуглость этихъ щекъ?

О, дѣва нѣжная, какъ персикъ бархатистый,

О, дѣва стройная, какъ тонкій кипарисъ,

Да, это югъ, пьянящій и лучистый. —

О, покорись!

Ты видишь этотъ блескъ зыбящійся и синій?

Да, это моря блескъ, входящій въ небеса.

И вѣтви мягкихъ туй и ласковыхъ глициній,

И миртовъ шелестныхъ округлые лѣса?

О, дѣва нѣжная, какъ горніе разсвѣты,

О, дѣва стройная, какъ тонкій кипарисъ,

О, полюби любви моей привѣты,

О, покорись!

Ты видишь призракъ горъ какъ бы въ налетѣ
пѣны,
И солнце жгущее пьяняще—горячо?
Всѣ эти бѣлыя, сверкающія стѣны,
Ихъ мраморъ матовый, какъ женское плечо?
О, дѣва нѣжная, какъ чашечки магнолій,
О, дѣва стройная, какъ тонкій кипарисъ,
О, не борись, не бойся нѣжной боли,
О, покорись!

Алупка. 1914 г. Сентябрь.

МИРАЖЪ ВЪ ГОСТИНОЙ.

Когда Вы двигаетесь мѣрно
По шелестящему ковру,
Всегда блѣдна, какъ свѣтъ невѣрный,
Какъ свѣтъ невѣрный поутру,

Мерцаютъ Ваши бриліанты,
Чуть дышетъ блѣдность на лицѣ,—
Тогда Вы кажетесь инфантой
Въ какомъ то замкнутомъ дворцѣ.

Гдѣ вѣчно спущенныя шторы
Неколыхающихся пряжъ,
Гдѣ замираютъ разговоры,
Какъ потухающій миражъ.

Гдѣ строй остроконечныхъ башенъ
Воздвигъ горящіе зубцы,
Гдѣ мракъ палатъ высокъ и страшенъ,
Гдѣ притаились мертвецы...

Какъ жутки древніе портреты
Всѣхъ, кто здѣсь властно обиталъ,
Скелеты чьи-то силуэты
Дрожатъ въ бездонности зеркалъ.

Тамъ вѣчно кто-то править брашна.—
Ахъ, отводя пугливый взглядъ,
Мечтать такъ сладостно и страшно
Во мглѣ покинутыхъ палатъ.

Въ нихъ все звенить, какъ сновидѣнье.
Все совлекается въ миражъ.
О, какъ люблю я обольщенья,
Тоскующій и юный пажъ!

Я каждый день скрываюсь въ шторахъ,
И жду мучительно, пока
Я не слышу тихій шорохъ
Ея шаговъ издалека.

Всегда блѣдна и молчалива,
Какъ свѣтъ невѣрный поутру,
Она проходитъ горделиво
По шелестящему ковру.

Но разъ, увидя взоръ унылый
И какъ я слѣдовалъ, дрожа,
Она задумчиво спросила,
Спросила бѣднаго пажъ.

Съ улыбкой ласковой и блѣдной
Взоръ затемнившей, какъ вуаль,
Она шептала: бѣдный, бѣдный,
Скажи мнѣ всю твою печаль,

„Зачѣмъ грустишь уединенно
И на щекѣ твоей слеза?“
Остановилась у колонны,
Поднявъ прекрасные глаза.

— „Какъ въ каждой грани бриліанта
Весь міръ созвѣздій заключенъ,
Такъ въ Васъ, инфанта, въ Васъ, инфанта,
Весь міръ мой чудно воплощенъ.

„Ахъ, Ваша тихая лилейность—
Свѣтъ возникающаго дня.
Моей мечты благоговѣйность
Вся жизнь отнынѣ для меня.

„Всю жизнь держать Вамъ бриліанты,
За Вами слѣдовать, молю...
Инфанта, гордая инфанта,
Я Васъ беспомощно люблю!“ ..

Остановились у колонны.
Въ коврахъ и шторахъ все мертво.
Задумчиво и потрясенно
Она глядѣла на него . . . . .

. . . . .

Ахъ, міръ мечтательно-невѣрный
Надъ сердцемъ празднуетъ игру,
Когда Вы двигаетесь мѣрно
По шелестящему ковру.

ЛѢТНІЙ БАЛЪ.

Быль тихій вечеръ, вечеръ бала,
Быль лѣтній балъ межъ темныхъ липъ,
Тамъ, гдѣ рѣка образовала
Свой самый выпуклый изгибъ,

Гдѣ наклонившіяся ивы
Къ ней тѣсно подступили вплоть,
Гдѣ показалось намъ—красиво
Такъ много флаговъ приколотъ.

Быль тихій вальсъ, былъ вальсъ пѣвучій,
И много лицъ, и много встрѣчъ.
Округло-нѣжны были тучи,
Какъ очертанья женскихъ плечъ.

Рѣка казалась изваяньемъ
Иль отраженіемъ небесъ,
Едва живымъ воспоминаньемъ
Его ликующихъ чудесъ.

Быль алый блескъ на склонахъ тучи,
Переходящій въ золотой,
Быль вальсъ призывный и пѣвучій,
Свѣтло овѣянный мечтой.

Быль тихій вальсъ межъ липъ старинныхъ
И много встрѣчъ и много лицъ.
И близость чьихъ-то длинныхъ, длинныхъ,
Красиво загнутыхъ рѣсницъ.

1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ издательства . . . . . 5—10

Александръ Блокъ:

Предчувствую тебя	15
Ты горишь надъ высокой горою	16
Днемъ вершу я дѣла суеты	17
Вхожу я въ темные храмы	18
Ты въ поля отошла безъ возврата	19
Незнакомка	20
Въ синемъ небѣ	23
О доблестяхъ, о подвигахъ, о славѣ	25
Когда то гордый и надменный	27
Въ ресторанѣ	28
Есть времена, есть дни.	30

Валерій Брюсовъ:

Любовь ведетъ насъ къ одному	33
Да, можно любить, ненавидя	35
Кубокъ	37
Прощаю все	38
Антоній	39

Андрей Бѣлый:

Къ ней	43
Объясненіе въ любви	45

К. Бальмонтъ:

Белладонна	49
Влага	50
До послѣдняго дня	51
Нѣжиѣе всего	52

Вячеславъ Ивановъ:

Заря любви	55
Похороны	56

Н. Гумилевъ:

Отравленный	59
Она	61
Югъ	62
Канцона вторая	63

Анна Ахматова:

У меня есть улыбка одна	67
Высокіе своды костела	68
Я не знаю, ты живъ или умеръ	70
Кое какъ удалось разлучиться	71
Чугунная ограда	72
Я гибель накликала милымъ	73
Тебѣ покорной?	74
А ты теперь тяжелый и унылый	75
Ты всегда таинственный и новый	76

Маріэтта Шагинянъ:

Полнолуніе	79
Онъ только спросилъ	81
Милому	82

Федоръ Сологубъ:

Суровый другъ, ты недоволенъ	85
Если трудно мнѣ жить	86
По дорожкѣ солнечнаго сада	87
Въ лугу паслись барашки	88

М. Кузминъ:

Любви утѣхи	93
О, быть покинутымъ	94
Изъ Александрійскихъ пѣсенъ:	
Когда мнѣ говорятъ: «Александрія»	95
Люди видятъ сады съ домами	96
Сегодня праздникъ	97
Развѣ неправда	99

Викторъ Гофманъ:

Да, это югъ	103
Миражъ въ гостиной	105
Лѣтній балъ	108

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОТДЕЛ КРЕВОВОЙ

